

ВЛАСОВА (УЁМОВА) ИННА ПЕТРОВНА

...Когда началась война, в нашей семье было уже четверо детей. Старшему, Валере, - шестнадцать, самому младшему – четыре года. Когда все деревенские мужчины моложе отца были призваны на фронт, отец какое-то время был на брони как колхозный тракторист. Но в самом начале 43-го и он, и Валера получили повестки в военкомат, и отправились на войну практически друг за другом: брат 12 января, отец – 29-го.

Я, тогда восьмилетняя, помню, как поочередно, а сам обливался слезами, обнимая маму. А я, мало что понимая, висела на двери, пытаюсь задержать, не отпустить его... Помню в доме радио – чёрную тарелку, которую повесили ещё при отце. Помню и строчку из его письма маме: «Всю скотину перерезайте, вдруг немцы придут...».

В этом же 1943 году пришла горькая весть о его гибели ... Позже один из жителей деревни Овиново каким-то образом узнал и рассказал нам, что в бою отца ранили, и он истёк кровью. А в полученном извещении значилось: «Погиб смертью храбрых». Имя Петра Михайловича Уёмова увековечено на стеле «Они сражались за Родину» в селе Васильевском и в «Книге памяти» Ивановской области.

...Мама получала пенсию за отца на троих 72 рубля, а когда в 1947-м Але исполнилось 18 лет, то на двоих было уже 54 рубля.

Как мама с нами управлялась?

Она работала дояркой, зарабатывала 1000 трудодней за год, а на них почти ничего не давали. Было однажды, дали 100 кг зерна, так это считалось – повезло. Мама очень старалась, за это полагались премиальные, но не деньгами... а покрывалами. У нас их три штуки было.

Жили своей скотиной – была корова, овцы, поросята. Осенью забивали, мама в Шуе на базаре мясо продавала. Нас оденет... А сама ходила разутая, до холодов даже на ферму босиком... На ногах кожа у нее была как подошва обувная. Работа на ферме была очень тяжёлая, коров мама доила вручную – 12 голов! А после утренней дойки ходили косить траву на подкормку. Поили буренок в тоже вручную, каждой по два ведра надо было дать. Начерпывали её из чана, что стоял во дворе, в него накачивали воду скотники.

Руки у мамы буквально отваливались, ночами она всё ими трясла, боль спать мешала...

А мама и шила еще! Рядом с почтой на Поповке была инвалидная артель, там она брала работу на дом. Шила мужское нижнее бельё для фронта - круглый год, и не один... Машинка была своя. За работу давали

карточки на хлеб – триста граммов ей и по сто нам. Но бывало, что от усталости она не успевала план выполнить, и тогда посылала меня в артель сказать, что якобы машинка сломалась. И мне не могли отказать в карточках... Но хлеб был в доме не всегда... Однажды мне повезло - нашла завалявшуюся где-то корочку. А старшая сестрёнка не выдержала и отняла её у меня. Все голодные были...

А шить маму научили в барском доме в селе Васильевское. Ещё девочкой ходила она к дочери Шуйского купца Литвинова. И не одна, барышня приглашала к себе нескольких крестьянских девочек, в том числе из бедных семей и сирот, и учила бесплатно женскому рукоделию. Сохранилось её фото с детьми за этим занятием от 1913 года...